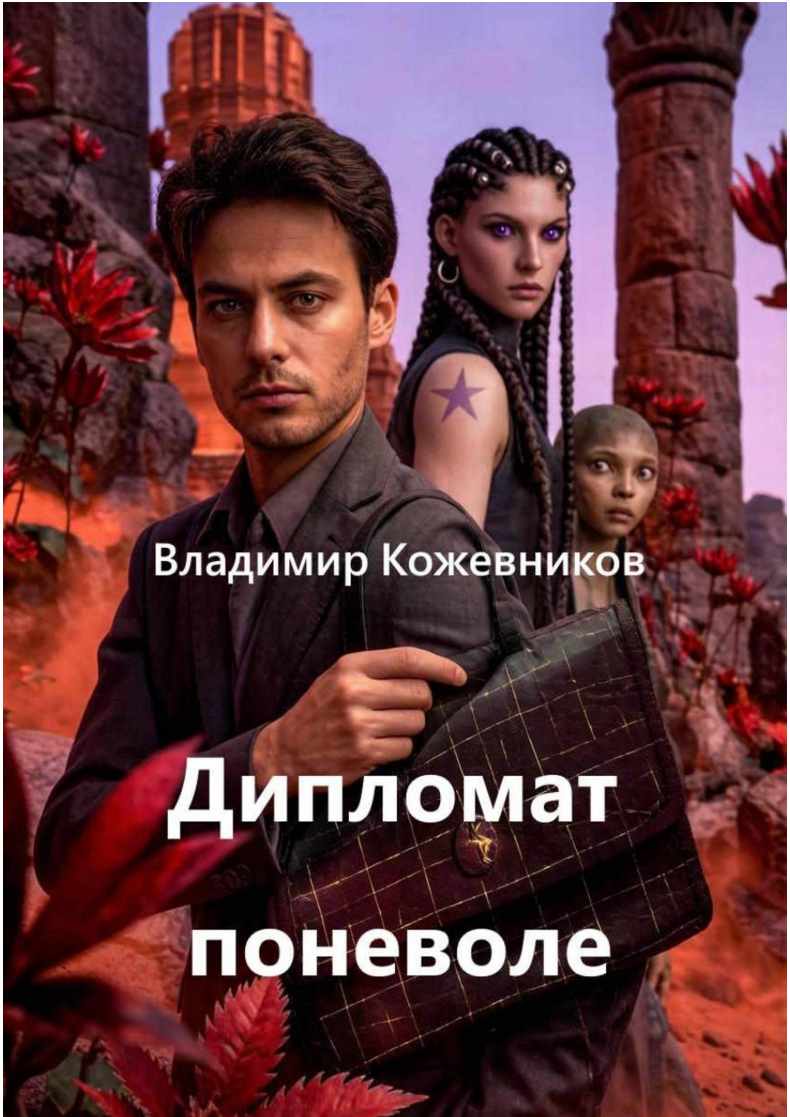

Владимир Кожевников
Дипломат поневоле

Владимир Кожевников
Дипломат поневоле

https://litres.ru/74733132
SelfPub; 2026

Аннотация

Молодой дипломат Роджер Смит мечтал о приключениях — и получил их сполна, когда Межзвёздное бюро отправило его на Ксению подписывать торговый договор с расой, которая не любит чужаков. На планете, где ложь читают по дыханию, а печать темнеет от страха, ему предстоит пройти испытание канатом, выучить чужие правила этикета, пережить покушения и саботаж собственного коллеги. Пока военный вождь Ксарра готовит войну, её дочь Тира тайно помогает землянину — и между ними вспыхивает запретное чувство. Роджеру придётся распутать заговор, спасти вождя и остановить войну, используя только слова, случайные связи и умение дышать ровно. Но у дипломатии на Ксении своя цена.

Содержание

Глава 1. Чемодан, который знал слишком много 4
Глава 2. Дыши, если сможешь 9
Глава 3. Совет, который пахнет кровью 13
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Владимир Кожевников
Дипломат поневоле

Глава 1. Чемодан, который знал слишком много

В день, когда Роджер Смит должен был стать дипломатом, его чуть не убил собственный чемодан.

Точнее, пока не собственный. Казённый. С гербом Межзвёздного бюро согласований, тяжёлый, как маленький гроб для чужих надежд, и такой важный, что охрана на входе проверяла его дважды: первый раз — сканером, второй — презрением.

Роджер сидел на станции «Женева-9», в секторе протоколов, где воздух пах синтетическим кофе, старой бумагой и канцелярским клеем. Перед ним росла крепость из папок. В каждой лежал договор, который никто не собирался подписывать. Роджер знал их наизусть: «О взаимном уважении к границам, которых никто не видел», «О торговле воздухом, который никто не измерял», «О намерениях, которые стороны намерены уточнить позднее». Он перекладывал листы, ставил визы, отправлял запросы и чувствовал себя шестерёнкой в часах, которые показывают не время, а чью-то

бесконечную осторожность.

Ему было двадцать восемь. Он знал семь языков, четыре протокола и один способ не сойти с ума: представлять, что за каждой папкой — планета. Вот эта — мир с океанами аммиака, вот та — астероид, где живут коллекционеры чужих снов, а эта — просто папка с кофейным пятном, но и у неё могла быть тайна.

— Смит, — раздался голос из селектора. — Ко мне.

Оберон Кляйн, старший советник бюро, был человеком, который умел произносить «ко мне» так, будто приглашал на казнь и одновременно на повышение. Его кабинет был без окон, зато с тремя экранами, на которых бесконечно ползли строки согласований. Кляйн не смотрел на Роджера. Он смотрел на папку.

— Ксения, — сказал он. — Торговый договор. Ксенофобы. Ты летишь.

Роджер почувствовал, как внутри что-то дёрнулось. Не страх. Или не только страх. Что-то похожее на дверь, которую наконец открыли.

— Ксения? — переспросил он. — Но там же... закрытый протокол. Они не любят чужих.

— Они не любят чужих, — согласился Кляйн. — Поэтому и нужен дипломат, а не военный. Военные умеют только закрывать двери. Дипломаты — открывать. Иногда — ценой пальцев.

Он наконец поднял глаза. У него были глаза человека, ко-

торый слишком долго читал мелкий шрифт.

— Ксарра, военный вождь, — сказал он. — Женщина. Жёсткая. Дочь — Тира. Всё, что тебе нужно, в папке. И ещё: на Ксении не любят запах страха. Их протокол строится на дыхании. Подписывают не чернилами. Дышат на печать. Если соврёшь — печать почернеет. Если испугаешься — тоже.

— А если я не испугаюсь?

— Тогда, возможно, тебя убьют быстрее, — сказал Кляйн без улыбки. — Страх — это честно. Ложь — нет.

Он протянул Роджеру папку. Она была тёплой, будто её только что держали над свечой.

В коридоре пахло озоном и чужой уверенностью. Мария Вельд, военный атташе, стояла у стены и чистила ногти маленьким ножом. Чёрная форма сидела на ней так, будто была частью скелета. Она улыбнулась — коротко, как треск льда под сапогом.

— Значит, тебя всё-таки выпускают из клетки, — сказала она. — Поздравляю. Или соболезную.

— Ты уже знаешь?

— Я — военный атташе. Я знаю всё, что плохо кончается. — Она спрятала нож. — Ксения, да?

Роджер кивнул.

— Там красиво, — сказала Мария. — Фиолетовое небо, красная пыль. И очень строгие правила. Например, нельзя показывать зубы. Они считают это угрозой. И нельзя пахнуть страхом. — Она шагнула ближе. — А ты, Роджер, пахнешь

страхом даже сейчас. И ещё — своим дурацким одеколоном.

— Это не одеколон. Это мыло.

— Ещё хуже.

Она смотрела на него чуть дольше, чем требовал протокол. В её взгляде было что-то, что Роджер давно научился не замечать: смесь ревности, любопытства и обиды. Мария любила его так, как любят опасные инструменты: сильно, аккуратно и с готовностью однажды пораниться.

— Будь осторожен, — сказала она наконец. — И не доверяй местным. Особенно тем, кто улыбается.

— А ты?

— Я не улыбаюсь. Я скалюсь.

Она ушла, и её шаги ещё долго звучали в коридоре, как метроном.

Портфель выдали в отделе снабжения. С виду — обычный кейс из тёмного композита. Но когда Роджер взялся за ручку, замок ожил: по поверхности пробежала тонкая сетка света, и из щели вырвался короткий звук, похожий на чихание.

— Он вас признал, — сказал техник. — Теперь не откроет никому, кроме вас. И не даст открыть себя силой. Внутри — документы, печать и дыхательный валидатор. Если кто-то попытается вскрыть — портфель выделит феромон «чужой». На Ксении это... неприятно.

— Насколько неприятно?

— Настолько, что вас могут съесть. Или хуже — объявить невежливым.

Роджер взял портфель. Тот был тёплым. Живым. И, кажется, слегка недовольным.

Шаттл стоял в доке 12-Б, среди кабелей, как сонное насекомое. За иллюминатором медленно вращалась Земля — голубая, слишком знакомая, слишком безопасная. Роджер пристегнулся. Портфель лежал на коленях и тихо гудел, будто ему снились чужие подписи.

— Ксения, — прошептал Роджер. — Ксения.

Слово было похоже на имя и на болезнь одновременно.

Шаттл вздрогнул. Двигатели запели. Станция поплыла назад, и в стекле отразилось лицо Роджера — молодое, упрямое и уже немного чужое.

Он ещё не знал, что на Ксении дипломатия пахнет страхом. И что чемодан, который чихнул при знакомстве, запомнит гораздо больше, чем ему полагалось.

Глава 2. Дыши, если сможешь

Шаттл сел на Ксении с глухим звуком, будто воткнул нож в песок. Роджер вышел на трап и на секунду забыл, как дышать.

Небо было фиолетовым — не синим, не лиловым, а именно фиолетовым, как свежий синяк на коже. Пыль под ногами отдавала ржавчиной и чем-то сладковатым, будто где-то рядом жгли сушёные фрукты. Горизонт был слишком близким, будто планета решила сэкономить на расстоянии. Ветер нёс мелкие красные песчинки, и они оседали на зубах, на ресницах, на языке — солёные, как чужие слёзы.

Встречающие стояли полукругом. Высокие, с длинными пальцами и глазами без белков — сплошная фиолетовая радужка, в которой отражалось небо. Они не улыбались. Они дышали. И это было самое странное: Роджер слышал их дыхание — ровное, синхронное, будто они были одним организмом.

Один из них, с шарфом из серебристой ткани, шагнул вперёд.

— Дыши ровно, чужеземец, — сказал он. Голос был низкий, с придыханием на конце фраз. — Иначе мы подумаем, что ты лжёшь.

Роджер почувствовал, как сердце ускорилось. Он попытался выровнять дыхание, но получилось только хуже: вдох

сорвался, выдох дрогнул. Портфель в его руке тихо гудел, как недовольный кот.

— Он нервничает, — сказал другой ксениец. — Смотри, как дышит.

— Это нормально, — сказал первый. — Он с Земли. Они все дышат как больные.

Они не смеялись. Они просто смотрели. И это было хуже смеха.

Роджера провели через площадь, вымощенную чёрным камнем, к дворцу из красного песчаника. Окна были без стёкол — вместо них натянуты тонкие мембраны, которые дрожали на ветру и издавали низкий гул. Внутри пахло дымом, металлом и чем-то живым, тёплым, как шерсть животного.

Ксарра ждала в зале без мебели. Она стояла в центре, и вокруг неё было пустое пространство — не потому, что она была одна, а потому, что никто не решался подойти ближе. Женщина-воин была высокой, с широкими плечами и руками, которые знали оружие лучше, чем украшения. На левом плече — шрам в форме звезды, глубокий, будто его вырезали намеренно. Волосы заплетены в тугие косы, и в каждой косе — металлическое кольцо.

Она посмотрела на Роджера. Долго. Её дыхание было ровным, как метроном.

— Зачем ты прилетел, человек? — спросила она. — Мы не любим чужих.

— Я прилетел с миром, — сказал Роджер. — Хочу под-

писать торговый договор. Взаимная выгода.

— Выгода, — повторила Ксарра. Она произнесла это слово так, будто попробовала на язык незнакомый плод и не решила, ядовит ли он. — Ты дышишь как человек, который верит в выгоду.

Она шагнула ближе. Роджер почувствовал, как портфель в его руке напрягся, будто живой замок тоже затаил дыхание.

— Дай мне свою печать, — сказала Ксарра.

Роджер открыл портфель. Замок чихнул, признавая его, и внутри, среди документов, лежала печать — тёмный диск из ксенийского камня, который ему выдали на Земле. Он протянул её Ксарре. Она взяла печать, поднесла к лицу и медленно выдохнула на неё.

Камень потемнел. Не почернел — потемнел, как небо перед грозой.

— Ты боишься, — сказала Ксарра. — Это честно. Но страх — плохой советчик.

— Я не боюсь, — сказал Роджер. — Я осторожен.

— Это одно и то же, — сказала она. — Просто осторожные живут дольше.

Она вернула печать. Камень снова посветлел.

— Завтра будет совет, — сказала Ксарра. — Приходи. И не забудь дышать. Если собьёшься — я пойму. Если соврёшь — поймут все.

Она повернулась и ушла. И только тогда Роджер заметил девушку, стоявшую в тени колонны. Она была моложе Ксар-

ры, с такими же фиолетовыми глазами, но в них не было холода. В них было любопытство — острое, как лезвие, и такое же опасное.

Тира. Дочь вождя.

Она не улыбнулась. Она просто посмотрела на него — и вдруг, коротко, одними губами, показала зубы. Не оскал. Улыбка. Запретная, быстрая, как вспышка.

И ушла, прежде чем Роджер успел понять, что это было.

В покоях было тихо. Стены из красного камня, окно-мембрана, кровать с шерстяным одеялом, пахнущим дымом. Роджер сел на край кровати и почувствовал, как усталость навалилась на плечи.

Портфель стоял у двери и тихо гудел. Живой замок не спал.

Роджер закрыл глаза. Перед ним было фиолетовое небо, красная пыль и девушка, которая показала ему зубы.

Он ещё не знал, что улыбка Тиры была не приглашением. Она была предупреждением. И что завтра на совете ему придётся дышать так, как он никогда не дышал.

Глава 3. Совет, который пахнет кровью

Совет собрался в круглом зале без окон. Вместо стен — мембраны, натянутые на каменные рёбра, и сквозь них сочился фиолетовый свет, от которого лица казались вылепленными из глины. В центре, на чёрном камне, лежала печать. Вокруг, на низких подушках, сидели ксенийцы. Они не разговаривали. Они дышали.

Роджер вошёл и сразу почувствовал, как его собственное дыхание стало слишком громким. Он попытался подстроиться под ритм — вдох, пауза, выдох — но сбился на третьем цикле. Один из советников, старик с лицом, изрезанным морщинами, как русло высохшей реки, повернул к нему голову.

— Он дышит как человек, который торопится, — сказал старик. — Торопящийся лжёт.

Ксарра сидела во главе круга, на подушке из тёмной кожи. Её косы были уложены в корону, и металлические кольца тихо звенели, когда она поворачивала голову. Она не улыбнулась. Она просто смотрела.

— Человек, — сказала она. — Докажи, что ты достоин договора. Расскажи, почему мы должны тебе верить.

Роджер сделал вдох. Выдох. Он говорил медленно, стара-

ясь, чтобы голос звучал ровно. О торговле. О выгоде. О мире. Он говорил о том, что Земля может дать Ксении: технологии, лекарства, металлы. Он говорил о том, что Ксения может дать Земле: редкие сплавы, биологические ткани, знания о дыхательных практиках, которые, возможно, продлят жизнь.

Ксенийцы слушали. Их дыхание было синхронным, как прибой. И вдруг Роджер понял, что он сбился. Он говорил слишком быстро. Он дышал слишком часто. Он не выдерживал ритм.

Старик снова повернул голову.

— Он врёт, — сказал он. — Смотрите: печать темнеет.

Роджер посмотрел на камень. Печать действительно потемнела — не сильно, но заметно. Как небо перед грозой.

— Я не вру, — сказал Роджер. — Я просто нервничаю. У нас, людей, это нормально.

— Нервничать — это не ложь, — сказала Ксарра. — Но это слабость. А слабость — это смерть. Ты знаешь, что мы делаем со слабыми?

— Нет, — сказал Роджер.

— Мы даём им шанс, — сказала Ксарра. — Один. Завтра будет испытание. Если пройдёшь — договор твой. Если нет — умрёшь.

Роджер почувствовал, как портфель в его руке напрягся. Живой замок тихо гудел, будто предупреждал.

И тут поднялась Мария. Она сидела с краю круга, в чёр-

ной форме, и её дыхание было ровным, как у ксенийцев. Она научилась. За один день.

— Позвольте вопрос, — сказала она. — Если человек пройдёт испытание, получит ли он доступ к нашим... к вашим дыхательным практикам? Или договор ограничится торговлей?

Ксарра посмотрела на неё. Долго.

— Ты задаёшь вопрос, который не имеет отношения к делу, — сказала она. — Почему?

— Потому что я военный атташе, — сказала Мария. — Я должна знать, что именно мы подписываем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.